

Евгений ТКАЧУК

НАУКА И СТРАСТИ ПО ЛУБКАМ

Товарищи! Я обращаюсь к вам подобным образом не только в знак приверженности известной традиции, но и потому, что в такой аудитории просто не может быть социальной градации иного типа - господ, домнулов и т.д., равно как и коленопреклоненных перед ними представителей так называемых низших сословий. Всех нас уравнивает род нашей деятельности, наш социальный статус, наше служение Ее Величеству Истине.

Возможно, некоторым присутствующим покажется странным, что под нивелирующую крышу «товарищей» я подвожу и свою скромную персону, хотя я, конечно, не историк и никогда не работал в научных учреждениях. Да, я всего-навсего журналист, а интеллектуальной характеристикой любого журналиста служит нелестное – дилетантизм. И все-таки я счел для себя честью подняться на эту трибуну по трем причинам.

Во-первых, сама тема нынешней научно-практической конференции напрямую перекликается со стержневым тезисом Концепции национальной политики, принятой нашим парламентом: этническое и культурное многообразие населения Молдовы – не порок, а великое богатство нашей страны. Вся Концепция и строится на приоритете этого тезиса, ее проект был разработан политической организацией, которую я представляю, и все мы являемся свидетелями и участниками процесса ее – пусть медленного, но настойчивого – претворения в жизнь, превращения в один из главных элементов складывающейся государственной идеологии. Кстати, Молдова – единственная страна на постсоветском пространстве, поднявшая этот гуманный приоритет на уровень законодательного акта, а это значит, что все последующие правовые акты обязаны соответствовать именно Концепции, а не каким-либо текущим, спонтанным, схоластическим, а иногда и открыто ксенофобским политическим завихрениям.

Во-вторых, я представляю журнал «Мысль» – издание партии власти. Руководителем редсовета журнала является Владимир Воронин (не буду перечислять его прочих титулов – они всем известны). Так вот, от имени редсовета позвольте поприветствовать участников конференции, пожелать всем плодотворной работы и крепких научных контактов, разрушающих массу препятствий на многочисленных этнических, профессиональных, государственных и межгосударственных кордонах.

И, наконец, в-третьих, как редактор журнала я просто обязан добавить к научному реноме историка И.А. Анцупова немаловажный штрих: в свое время он был одним из инициаторов учреждения Ассоциации ученых им. Н. Милеску-Спэтару, тесно сотрудничающей с нашим журналом. Именно «Мысль» впервые опубликовала некоторые работы Анцупова, которым в то время нелегко было прорваться в информационное пространство республики – речь, в частности, о статье о соотношении формационного и цивилизационного подходов к периодизации развития общества. Так что у меня есть и некое моральное право взойти на эту трибуну и выразить, пусть и задним числом, свою благодарность неординарному ученому.

Ну, а теперь, если позволите, я попытаюсь внести свои дилетантские «пять копеек» в профессиональный разговор товарищей историков. «Отец истории» Геродот начал свой бессмертный труд с утверждения: история – учитель жизни. А вот значащийся в списке выступающих на нашей конференции мой старый друг профессор–историк Николай Бабилунга в одной из своих публицистических статей возразил: история учит лишь тому, что она ничему не учит.

Кто же прав – Геродот или Бабилунга? Мне больше импонирует точка зрения Бабилунги. Если верно утверждение о том, что история – это политика, опрокинутая в прошлое, то представляемая здесь наука всегда испытывала, испытывает и, возможно, еще долго будет испытывать чудовищный гнет более примитивной формы общественного сознания – политики. Я понимаю, где-то в хрустальных дворцах сугубо академической науки пытаются жестко исповедовать движение к единственному божеству – Истине. Но пока эта исповедь доберется до массового сознания, она обычно превращается в такое дурнопахнущее зелье, от которого, при массовом употреблении, неизбежно наступает пандемия тотального несварения мозгов.

Вместо примеров, в которых мы буквально тонем, сошлюсь на Поля Валери: «История... самый опасный продукт, вырабатываемый химией интеллекта... Она вызывает мечты, опьяняет народы, порождает в них ложные воспоминания, усугубляет их рефлексy, растрavляет их старые язвы, смущает их покой, ведет их к мании величия или преследования и делает нации горькими, спесивыми, невыносимыми и суетными». К пассажиу Поля Валери не могу не присовокупить Марксово: «Традиции прошлого, как кошмар, тяготеют над умами живых». В наше время гнет кошмаров становится просто невыносимым. Даже жалкие крохи исторической Истины, то есть сведений о том, что некогда действительно происходило, буквально тонут в омуте псевдонаучных мистификаций, приправленных сакральными испражнениями далекого средневековья и осовремененной ксенофобской ненавистью.

Мне не раз приходилось печатно утверждать, что наука история (пожалуй, самая древняя из наук) до сих пор так и не обрела действительного статуса Науки, то есть сферы общественного сознания, где господствует Ее Величество Истина. Классики, ставшие в XIX веке родоначальниками совершенно иного научного и массового мировоззрения, утверждали: для нас существует одна наука – наука История. И тут же уточняли: наука становится таковой лишь после того, как овладеет математикой. А что такое математика, как не наука о количественной и качественной характеристике материального мира, в том числе и человечества?

Скажите на милость, овладела ли история-наука математикой? Если кто скажет «да», пусть бросит в меня свой камень из-за пазухи. Но я вряд ли спущусь с этой трибуны побитым камнями. Геродот, руководствуясь надписью на одном из блоков пирамиды Хефрена, пытался вычислить количество людей, работавших на возведении этого чуда света, по весу съедаемого ими чеснока. Мы же две с половиной тысячи лет спустя так и не удосужились выразить языком элементарного математического расчета простой исторический сюжет: какова же была численность русского войска, переправленного Дмитрием Донским на правый берег Дона? Для нас куда лестнее прибегнуть к летописной байке какого-то невежественного монаха, не умевшего считать дальше трехзначной величины. Так – патриотичнее. Я бы сказал – политичнее. Кошмар патриотичной летописной Традиции предпочтительнее вроде бы космополитичной и далеко не комплиментарной Истины. Как говорил великий поэт, «тмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман».

Прибегну к современной аналогии. О любом мало-мальски значимом событии в Кишиневе сразу же напишут три десятка периодических изданий. Но перенесемся в XXII столетие. Допустим, будущие историки попытаются понять, что же произошло в Кишиневе в начале XXI века, и обратятся к нынешней периодике. Учтем при этом, что большинство письменных источников (подшивки газет, архивные документы) к тому времени сгорит в пожаре очередных социальных или этнических недоразумений. Что же останется на долю исследователей? Обрывки от огрызков? Но даже они сообщат о событии нечто радикально противоположное, приправив текст солидной толикой домысла, обывательских сентенций, политических оценок. Как говорил в анекдоте Наполеон, будь у меня газета «Правда», черта с два кто узнал бы, что я проиграл битву при Ватерлоо. Значит, письменный источник насколько важен, настолько и ненадежен. Но история, обращаясь к прошлому, опирается в основном на жалкие остатки письменных источников – как правило, на те, что льстят национальному или

определенному политическому тщеславию. Прочие она обычно намеренно игнорирует или подвергает унизительному ostracism.

Вспомним, какой массовой атаке (а в числе особенно агрессивно атакующих был и досточтимый патриарх русской словесности и истории академик Дмитрий Лихачев) в 70-х годах XX века подвергался казахский писатель Олжас Сулейменов, попытавшийся в своей книге «АзиЯ» проследить половецкое влияние на культуру Руси – в частности, на «Слово о полку Игореве». Дискуссия в печати шла по принципу: этого не могло быть, потому что этого не могло быть никогда. Судьям Олжаса казалась крамольной сама мысль о каком-то культурном влиянии куманов-номадов, этих вечных кочевников, «своих поганых», на земледельческую Русь, нежившуюся в страстном цивилизационном объятии с высококультурной христианской Византией.

Я не удержался от примеров, но в них и заложена научная – вернее, псевдонаучная – ксенофобия, которой болели, болят и еще долго будут болеть, сами того не сознавая, сонмы историков, числящих себя жрецами Истины. Попробуйте, к примеру, выяснить для себя, чем окончилось под Аркадиополем кровопролитное сражение киевского князя Святослава с войсками византийского императора Иоанна Цимисхия. Византийские хроники утверждают, что Святослав был основательно разгромлен, а вот «Повесть временных лет» (ПВЛ) констатирует нечто обратное – сокрушительное поражение потерпел Цимисхий. Кому верить, коль письменная информация об этом факте фактически тем и исчерпывается? Мы вынуждены верить историкам современным, большинство которых, понукаемые властью, просто обязаны быть «патриотами» и даже известные факты истолковывать на комплиментарный манер. Признать Святослава побежденным, а тем более – признать за ним чуть ли не поголовное уничтожение поднепровского славянско-го племени уличей (об этом всегда помалкивали) – почитается великой гражданской крамолой.

Считается, что история обязана воспитывать патриотизм, понимаемый как любовь к своей Родине. И это значит, что тот смысловой ряд, который в очередной раз оказался в школьном учебнике любой страны (любой!), обязан рассыпаться в комплиментах перед собственным этносом, перед собственным государственным устройством, перед собственным генотипом культуры. Но учебник – только сублимация широкого спектра исторических исследований, приспособленного для утилитарного использования в угоду политикам, функционирующей власти, господствующему слою. И это, уважаемые, уже НЕ НАУКА, а ИДЕОЛОГИЯ – несколько иная форма общественного сознания, оперирующая не квантами истины, рассчитанными на ИНТЕЛЛЕКТ, а оценочными градациями и понятиями, обращенными к ЧУВСТВУ. Не

спору, любому обществу идеология, понимаемая как набор нормативных ценностей, нужна позарез. Без идеологии, этой чрезвычайно мощной консолидирующей духовной силы, то или иное общество подобно Броуновскому движению. Идеология же формирует движение однонаправленное. Это так. Но при чем тут наука, в том числе наука история?

Да, история-наука обязана воспитывать, но воспитывать ИСТИНОЙ, а не пресловутой ПРАВДОЙ. Истина – это всегда адекватное знание, не имеющее патриотической, нравственной и прочей окраски. Правда же всегда окрашена интересами – отдельных людей, социальных слоев и классов, политических элит, этносов, государств. Я, к примеру, всегда считал, что понятие ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ, к которому мы прибегаем на каждом шагу, и есть некий сугубо мифологический концентрат, предназначенный для опыления мозгов идеологическим наркотиком, что, по выражению того же Поля Валери, и есть химия, порождающая чудовищные реакции на возможность разумности мироустройства.

Да, история-наука обязана воспитывать, но воспитывать так, как это присуще именно и сугубо науке. Теорема Пифагора – она и в Африке теорема, то есть не имеющая цвета, запаха, патриотической окраски и даже Отечества (не открыл бы грек – открыл бы араб) крупница истины. Но она воспитывает не хуже развесистого повествования о славном рыцаре Айвенго. Я ничуть не против славного рыцаря, но пусть бы написанием рыцарских романов занимался литератор, а вот жрец науки истории добывал бы свои крупницы знаний о прошлом человечества – крупницы без вкуса, запаха или накипи чванливого этнического и иного превосходства. Загляните в любые (любые!) учебники истории, получившие широкое хождение на постсоветском пространстве, и вы убедитесь, что эра «переписывания» представляемой вами истории вошла в стадию чудовищной пандемии. Какие поколения вырастут на исторических мистификациях – не мне вам рассказывать.

Предвижу возражения и даже протест: как же ты, непрофессионал, осмелился влезть на трибуну авторитетной международной конференции и обвинять нас, профессионалов в истории, в том, что мы занимаемся не тем, чем нужно бы заняться? Но я, рядовой потребитель исторического знания, и не помышлял кого-то из историков винить в сотворчестве не подлинной, а виртуальной истории. Талантливый историк всегда стоит перед дилеммой: посвятить жизнь Истине и умереть в неизвестности – или прогнуться под давлением очередной власти, очередных заблуждений, очередных мифологических химер, отдать предпочтение розовым патриотическим байкам и тем самым свить себе и своим ближним уютное гнездышко под куполом политического неба. Так было, так есть, так будет. Результат: история так и не выберется из

унизительного статуса служанки политики, идеологии. Разве что политика, идеология, в силу своей непрекращаемой социальной справедливости (вспомним эпоху раннего христианства!), войдут в массовое сознание тем феноменом, которому по самой своей природе чужд, нравственно не выгоден любой обман, любое современное мифотворчество, любое посягательство на Истину.

По сути, если вести отсчет от Геродота, за два с половиной тысячелетия история в целом так и не обрела признаков устойчивой науки, хотя и числится в лоне этой формы общественного сознания. Для доказательства столь ее плачевного положения обращусь к элементарным соображениям.

Любая наука, как известно, имеет свой предмет, то есть объект или сферу исследований. Вы скажете, что у истории он есть – это общество. Но ведь изучением общества занимается еще несколько десятков наук. Где же тот очевидный срез общества, которым занимается именно история? Или это и не срез вовсе, а некий видеоряд, иллюстративные картинки, выстроенные в хронологическом порядке?

Вопрос не праздный. Два десятка лет назад один из высоких политических лидеров СССР публично заявил примерно следующее: вы, историки, многое делаете, много пишете, но пишете скучновато; а не могли бы вы написать более популярную историю да с яркими иллюстрациями, чтоб было наглядно и понятно, чтоб воспитывало? Слова эти прозвучали еще в канун так называемой перестройки, но идея «картинок» оказалась настолько живучей, что была азартно подхвачена уже в постперестроечные годы, а ныне она безраздельно господствует в историческом сознании постсоветских обществ. И теперь уж и не поймешь, что о чем: исторические персоналии на фоне той или иной эпохи – или проблемы секса на фоне аляповатых декораций в стиле ретро? Последнее, кажется, всецело овладевает умами и чувствами новых поколений. Но при чем тут история–наука? И в чем ее все–таки предмет?

Любая наука оперирует общей методологией, частными методами исследований. Еще вчера историки, работавшие на пространстве СССР, твердо заявляли, что они вооружены самым мощным методологическим оружием – историческим материализмом. Но это было вчера. А что сегодня? Истмат – методологическая платформа науки истории – под шумок предан тотальной анафеме. Позвольте спросить, господ (я уже обращаюсь не к историкам): а есть ли у вас какая–либо иная цельная методологическая платформа? Ах, пока отсутствует? Но ведь вы должны бы знать, что если из–под любой науки выбивают ее методологическую стартовую площадку, то она, наука, рушится и никуда не взлетит.

У любой социальной науки есть свои, только ею открытые и надежно обоснованные законы. Назовите хотя бы один закон, родившийся в

недрах исторической науки – не значитя такового. История до сих пор оперирует лишь законами, открытыми средствами других наук, своих у нее нет. Но в таком случае вправе ли история именоваться наукой в строгом смысле слова? Или это все–таки лубочные «картинки» прошлого?

Я всецело солидарен с выступившими до меня московским профессором Губогло и молдавским – Руссевым. Они говорили о том, что историки зачастую не понимают друг друга не потому, что говорят и пишут на разных этнических языках, а потому что они придают одним и тем же понятиям различную, иногда противоположную смысловую нагрузку. Получаются диалоги глухих с немymi. Да ведь иначе и быть не может. Математик из Японии легко найдет общий язык с коллегой из Намибии – они общаются на общепринятом языке математических символов. А вот нынешний историк–румынофил вряд ли поймет историка русофила, в лучшем случае он найдет контакт с историком русофобом. Вывод? История–наука так и не определилась с сугубо своими, историческими научными категориями, а наука, не оперирующая категориями, не есть в строгом смысле наука. Это что-то другое.

Добавлю к этому, что и категории, которые наука история щедро заимствовала из хоромов других социальных наук, в последние десятилетия тоже претерпели поразительные трансформации, а то и необъяснимо исчезли из научного оборота. Даже по поводу содержания таких категорий, как «цивилизация», «культура», «традиция», «социум», «формация», «нация», «этнос» и т.д. и т.п., нет общепринятых толкований, о чем я рискнул заявить на предыдущей конференции. А ведь если вдуматься, вся эта терминологическая свистопляска означает нечто большее, чем взаимное недопонимание коллег. Это – КРИЗИС всего комплекса социальных наук, уже не прописывающегося в парадигмы тотальной планетарной глобализации. Впрочем, если он и пропишется, то до массового сознания сей факт все равно не дойдет, ибо последнее настолько замусорено суррогатами «современной культуры», что для научного знания в нем просто-напросто не останется места.

Я отчетливо понимаю, что выступать с такими тезисами перед аудиторией, состоящей преимущественно из историков, для меня, непрофессионала, было бы не совсем корректным, если бы не одно весомое соображение: историки–профессионалы производят и генерируют историческое знание, но ведь не для самих себя, а для массы таких вот потребителей знания, каким является ваш покорный слуга. Так что примите мои тезисы не иначе как реакцию потребителя на продукт производителя. Конечно, реакция эта во многом субъективна, а потому, может, и несправедлива, за что авансом приношу свои извинения.